

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

*Перевод с немецкого
Сергея Морейно*

КЛАУС МЕРЦ

Запоздалый гость

Русский Гулливер

В основе издания лежат книги
Klaus Merz. Kurze Durchsage, Garn, Aus dem Staub,
Haymon-Verlag, Innsbruck-Wien, 1995, 2000, 2010

Клаус Мерц. Запоздалый гость.
Русский гулливер, Москва 2012. – 158 с.

Издательство и переводчик благодарят
Швейцарский культурный фонд Pro Helvetia
за финансовую поддержку этой книги

prohelvetia

villa STRÄULI

[lo:rən]

Translation House Looren

Перевод – Сергей Морейно
Консультант – Зорка Цикламини
Редактор – Наира Хачатрян
Фотография на обложке – Андрей Бессо

Идея серии – Олег Асиновский и Вадим Месяц

...По словам Манфреда Папста, *он празднует жизнь*, говоря при этом о разлуке, смерти и бренности. Современная швейцарская поэзия – в отличие от прозы – практически неизвестна русскому читателю. Более того, в предпочтениях ценителей поэзии немецкой наблюдается явный перекокс – от кристально чистого Гюнтера Айха в сторону более эффектного внешне Пауля Целана. Возможно, строфы Мерца на русском языке в какой-то мере соединят в себе скульптурность минимализма Целана с пастельным скепсисом Айха и приоткроют узкие врата наслаждения тишиной, звучащей в слове.

© Haymon-Verlag, 2011
© Сергей Морейно, перевод, 2012
© Андрей Бессо, фото, 2007
© Русский Гулливер, издание, 2012

ISBN 978-5-91627-098-3

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ПРАХА

На крепком ветру	11
Военно-полевое	12
Пинакотека	13
В поезде	14
Запредельное лето	15
Виперсдорф, после	16
Скорбный труд	18
Передышка	19
Большие обороты	20
Es-dur	21
Запоздалый гость	22
Индийское лето	23
Сверка часов	24
Если вдруг	25
Биография	26
Пойма	27
Посвящение Н.	28
Ночь в помощь	30
Великая ночь	31
Морские байки	32
Совместно	33
Профилактика	34

Стратегия	35
Свет	36
За книгой	37
Вечные вопросы	38
Рим	39
Леса	40
В открытое море	41
Следуя природе	42
Краковская Пасха	43
Четыре разговора с самим собой	44
Порубежье	46
Рекогносцировка	47
Вылазка	48
Белое пятно	49
Вне слышимости	50
Ганс	51
Вознесение	52

ПРЯЖА

Завтрак на траве	55
Автостоп	56
Люси	57
Тайный лексикон современной литературы	58
Харибо	59
Предусмотрительность	60
Шахта	61
Река	62
Пасха по-римски	63
Звездное ралли	64
Внимание, розыск	65
Адвент	66
Осеннее стихотворение	67
В Хельсинки	68
Без женщин	69
Ист-Энд, 28 января	70

Оксфорд-стрит, пять часов вечера	71
Пятнадцатое февраля	72
Веласкесу	73
Высокая мода	74
Апрель, апрель	75
Гераклит	76
Первое ноября	77
Второе ноября	78
Подходящий момент	79
Старинный текст	80
Подготовка	81
Цирк	82
Эспрессо	83
Натюрморт	84
Сохо	85
Из уроков жизни	86
Пассажир	91
Вздых, воздух, ветер. <i>Музейная считалка</i>	95
Мастерская	101

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

В полете	103
Письмо	104
Паводок	105
Побочная линия	106
Кирхберг	107
За город	108
Марципан	109
По ту сторону Эдема	110
Северный вокзал	111
Вечер в Атлантиде	112
Фарфоровый замок	113
Парковое хозяйство	114
Жить в мире	115
География. <i>Двенадцать хайку</i>	116

Шрифт для слепых	119
Молоко на губах	120
Стерня памяти	121
Мать-природа	122
Ловчий	123
«Говардс-Энд»	124
Самострел	125
Ангельская настойчивость	126
Млечная дорога	127
Вечер. Озеро	128
Отблеск	129
Плотские радости	130
Краткое сообщение	131
Залог	132
Конверсия	133
С ноги на ногу	134
Отзыв	135
Громкое дыхание	136
...для С.	137
Предрасветное	138
Надежды мало	139
Счастье	140
Добрый совет	141
Сельская жизнь	142
Идиоматика детства	148
Ликвидация	149
Портовый город	150
Саботаж	151
Метаморфоза	152
Очерненный пейзаж	153
Возвращение из Африки	154
Осень	155
Артефакт	156
Последние решения	157

ИЗ ПРАХА
Aus dem Staub

НА КРЕПКОМ ВЕТРУ

Не сыграно в гольф или хотя бы
в пул и не выдрессирован пес.

На крепком ветру не влек меня парус,
могучий мустанг не нес.

Бывало и так, что
не хватало мужества

стоять на своем,
как снег или солнце.

Зато все чаще, бывает,
и все глубже заглядываю

в лица близких вплоть до
дней далекого детства.

ВОЕННО-ПОЛЕВОЕ

Сквозь тракийскую низменность
дорога возвращает нас в город.
Родопы с Балканами окаймляют
пологий край. Инструктор
демонстрирует монумент
в память павших во все-
разрешающей битве:

*Летние травы
от гордых воителей
только след мечты*

вписал в дневник Мацуо Басё
на поле Хирайзумэ.

ПИНАКОТЕКА

Тучи стягиваются
легко и неотвратно
дождь льет, льет.

Одна женщина оделяет
нас млеком, другая же
расчесывает волосы, три
сотни лет кряду:

Отнюдь не к живым, говорит
Мальро, но к статуям
да приидет блаженство.

В ПОЕЗДЕ

Медленно катим мимо,
я подсчитываю скамейки
за окном. Неполадки сис-
темы в Либфельде, объявляет
кондуктор. Станционная насыпь
в цветах розмарина с цикорием.
И я подхватываю вос-
клицание ребенка,
познающего мир.

ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ ЛЕТО

Разглядываю июль
в его пыльной шкуре
сквозь жалюзи.

(Распространитель косметики
штукатуруется перед
дверью куафера.)

Под жарким ветром смолкла
трава, черным цветком
цветут смолы.

ВИПЕРСДОРФ, ПОСЛЕ

1

Колесо тихо шуршит
по равнине, скользя
в тени тележных осей
Короля-солдата. Большие
скорости, малые обода. Сокол
и жаворонки уже высоко, лук
и стрелы. Средь бела дня
тонет за деревней «трабант»,
дружелюбные жители замерли
перед убегающими вдаль домами.
(Спокойствия ради за каждой
калиткой бдит овчарка.) После
по обочине долго петляет
тушка зайца, ветер вместе
с тучами оставляют сцену.
В палисаде каменный гном
берет свою лопатку и роет
яму в песках Бранибора: в честь
А. Z., отставного лесничего
по прозвищу «Волк». Он спас
бабушку и внучку из брюха
зверя. Над честным гравием
випердорфских аллея
теперь асфальт.

2

Повсюду аккурат белые грибы,
«бабки», говорят приехавшие сюда

швейцарцы, огребая добрую
взбучку от лесника-саксонца.
Осенью он менее всего склонен
к побрякам. – Но при всем том
мы, знаешь, не рассчитывали
на это последнее тысячелетье,
что твой, дочка, суженый
таки придет домой с той войны.
Меж тем бесплатные
развлечения, а еще духовые,
но не духовные, спаси-и-
-и-сохрани.

3

Этот при- и убывающий свет,
еще бродячие тени облаков, еще
несущий головокружение ветер.
Еще один день подбрасывает мне
бабочку, с которой я знаком, утиная
эскадра поднимается в воздух.
Стрекозы жируют над опустелым
складом ядерных фугасов в бору:
один кадр на взмах ресниц, недо-
слащенный свет оседает на моей коже
бисером пота. Холодными пальцами
я записываю партию дрожи.

СКОРБНЫЙ ТРУД

День за днем
корпит над грядкой вдова,
избавляясь от вредных личинок.

К воскресенью
день освящая, она
фарфоровую утку выпускает в траву.

ПЕРЕДЫШКА

Кукуруза в полтора роста
и воронье на покосе.

Сквозь пласты земли
просвечивают озимые.

В тени амбара крестьянин
отдыхает с крестьянкой.

БОЛЬШИЕ ОБОРОТЫ

В глубине магазина склоняется
к прилавку с дарами юга и смотрит
как первым посетителем солнце
вступает к ней на порог.

ES-DUR

Слышно, как музыканты
стареют: преходящее они
претворяют в созвучия,
примирия нас со временем.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ГОСТЬ

Жизнь – всегда театр военных
действий. Сказав это, он
стягивает сапоги и носки.
И тотчас засыпает за столом.

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

По моей летней шляпе шелкают
желуди. Дровосек клянется
клену в любви. Дятел терпеливо выстукивает
жучкам походный марш.

СВЕРКА ЧАСОВ

Кукушка накуковала? – говорит врач жителю гор, спустившемуся в долину умирать: мой час пробил, твердит тот упрямо и твердо. И той же ночью подтверждается его правота.

Посвящается J. L.

ЕСЛИ ВДРУГ

Слышны далекие сирены.
Корабли отчаливают от обочин.
И окутанные плющом гиганты
Закрыли собой горизонт.

БИОГРАФИЯ

С течением лет ты сам
спекаешься в такой уголек,
который и останется угольком,
если *не* коснется бумаги.

ПОЙМА

Сидеть себе среди
выкорчеванных сосен.
Облака гонит по воду
воинство лесных крон.

Сидеть себе на плоском
речном берегу. И песчаная
отмель напротив зеницей ока
хранима, для тебя одного.

ПОСВЯЩЕНИЕ Г.

Чертовски восхитительным образом
Герберт переносил эту смуглую
(а нам казалась такой недоступной
с высоты своих острых каблуков!)
Франсуа через порог мастерской,
к мотоциклам и совал ее прямехонько
в седло красно-алой «Гилеры».
С одного удара в лузу.

Герберт подходит к горну,
воскрешая забытый отцовский жар.
Он выковывает сперва ножку, затем
изысканный изгиб канделябра для
своей Франсуа. Алый цвет ее губ
и алый ногтей – это алый «Гилеры».
Она не слезает с седла мотоцикла, пока
мы всё порядком не разглядим.

«Эрбёр!» – окликает она Герберта.
Но Герберт уже загорелся, рука
тянется к следующей заготовке,
что лежит на стальной станине.
Слышал ли ты о камелиях? –
спрашивает он, он шепчет это
в мое раскаленное ухо, обжигая
меня своей щетиной.

Сорви мне один цветок для
моей Франсуа и сотвори-ка
нам наверху на чердаке какой-
нибудь свет! – Спустия год на

постели Герберта оправляется
от родов совсем иная женщина,
у нее ласковые глаза: Да, я
хотел бы стать таким, как он.

НОЧЬ В ПОМОЩЬ

Иногда под утро
в мою жизнь можно
совершить спуск
на глубину детства.

Рубцы оживают,
строка заживляет
дождями, снегами.

Будущее бегло,
мертвые близко.
И настоящее
теряет в весе.

ВЕЛИКАЯ НОЧЬ

Все тут: это море
тот оком, твое сердце-
биенье со мной. А
в Каракоруме слышно
несметные полчища
в поход подымает
Чингиз: принесите мне
фото Марса, велит он
темникам, вперед
Угэдэй!

МОРСКИЕ БАЙКИ

Красноречивую
тишину за борт,
разве что в самом
устье безмолвие.
И буи точек
точно прибой.

СОВМЕСТНО

Хлеб преломлен, кров
разделен, взгляд в
темные воды.

Бок о бок швартуются
одиначества
по утрам.

ПРОФИЛАКТИКА

Мушиная эскадрилья поднята
по тревоге, в расположении
пожарной части учебный
пожар. – Нет,

мы не зажигаем свечей
во имя наших умерших,
мы лишь включаем свет
во благо живым.

И мухобойка сегодня
спит на стене.

СТРАТЕГИЯ

На обоях узор
из сна, ланцетные
листья. Попытка

со свежими силами
осилить день при помощи
смеха. Если же нет,

то поджидать ночь
сидя, на задних
лапках.

СВЕТ

Есть фразы
что исцеляют

и дни что
легче чем звук

Есть голос
что я узнаю

прежде чем
позовут.

ЗА КНИГОЙ

След уводит
в джунгли, наступает
внезапная ночь; колючий дождь.

За время краткой дремы над
романом, я полагаю, обнаружилось
убежище пропавшей без вести героини,

и я повторно беру ее след,
продолжая чтение, в мокрой
насквозь одежде.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

1

Можно ли старости
можно ли страсти

ударам сердца
голосу крови

броженью хмеля
паденью снега

учить?

2

Куда же
мы так спешим

что мировая скорбь

передается как эста-
фетная палочка?

РИМ

Едва проснувшись, ты
натыкаешься взглядом
на собственные мраморные плечи.

ЛЕСА

1

В оставленной лесничим колее
считанные осколки неба: рас-
считывал ли (на) нас Бог?

2

Для нас Бог воз-
дух. Мы им
дышим.

В ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Корабль базилики,
ведомый свыше, держит курс на тот свет.
Команда поет.

СЛЕДУЯ ПРИРОДЕ

«Кракатау» написано на его
пуловере в районе груди. Над
вырезом угасший лик.

КРАКОВСКАЯ ПАСХА

Кукушка зовет.
Дрозды славят Аушвиц-2.
На Казимеже в синагоге старик
сторож, он расправляет мне
в полутьме воротник
плаща, по-отечески.

ЧЕТЫРЕ РАЗГОВОРА С САМИМ СОБОЙ

1

Принимается. Изо дня в день. Облачный холод, трудный трафик. Вчера трава еще зеленела, сегодня если что и осталось, так это твои глаза, один черный, другой голубой! Сугробами пока не пахнет, и ни намек на снег. Оставь же, в конце концов, в покое грядки, сними лисички с огня и признавай поражение: нам, с нашими медными трубами, не наснежить птичьей погадки.

2

Грубые рты. Кривые зубы.
Груди дамочки показывают зюйд-зюйд-вест: мамаша и сын, похожие, как две капли воды.
Лица пусты, но обращение королевское, высший сорт.
Они кладут свои талмуды на стол в трактире.
И приобщают тебя.

3

Который день хрип батарей предостерегающе царапает ухо.
И голуби с депешами под грифом cito давно стоят на зимних квартирах. – Я, однако, смею

выглянуть напоследок в окно, мир
ест у меня с руки.

4

Снег
снег аж до
самых до итало-австрийских
сокровеннейших уголков
наших бедных
душ:
снег на голову.

ПОРУБЕЖЬЕ

Имперская желчь, умбра, роза, синь,
дорога ведет нас мимо крохотных
домиков, улиток в своих скорлупках.
За ними виноградники, дремучий лес,
искры водных велосипедов.

Дальше и дальше, а там Канада, Česká
Kanada. Распахнута бесконечность и
птиц исполнена тишина. Каменные
святыи там-сям на нашем пути,
мышино-серые воплощения

нашей внезапной смущенности такой
широтой луга и неба. Только в дырах
заброшенных бункеров посвистывает
порой резкий ветер. Будто там кто-то
науськивает собак, до сих пор.

РЕКОГНСЦИРОВКА

Войдя в дом,
остановился у
дверей спальни.
Увидел иголку с
ниткой, лежат
наготове.

Вернулся назад
в гостиную.
Мать сидит
возле печи.
Отец спит
на кушетке.

Всё почти как
всегда. Не тронут
даже сургуч
печатей.

ВЫЛАЗКА

Неделю вокруг
да около, обычно
после обеда. Вчера
пришел к воротам,
сказал:
мол, вроде бы
он представляет себе,
как из праха
слепить человека.

БЕЛОЕ ПЯТНО

Вхождение в зону, расположенную чуть южнее тревожной. И, как водится во всех экспедициях, первый шаг делается очертя голову, практически наудачу.

ВНЕ СЛЫШИМОСТИ

Некто за полночь едет
с ужасным тро-ло-ло
под окнами на мопеде.
Забрало шлема поднято,
будто он идет на одну
из радостных войн.

Но отчего вдруг меня миг
спустя после этого так
ужасает звук огня
тлеющей сигареты?

ГАНС

Он избегает смотреть в глаза,
рука сама делает указующий жест:

два кровоизлияния в мозг и двое
взрослых детей, вдобавок пара

домашних животных, без них
он бы столько не вытерпел. Как

пить дать, закладывает за воротник.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Мы продвигаемся древним
церемониальным путем вверх,
жуют коровы траву, безроги и
тихи. Вдруг трясет одна буренка
головой, почти церковный звон.
Преображение! Из ельника на-
встречу пара тюрков: «Хой!»
приветствует муж, жена его
потупляет взгляд. (В это время
в Беромюнстере на хоры
водружают Спасителя). За лесом
пахнет жареным, бейсболка набок,
фартук подпоясан, там пестует
свои колбасы воскресный
повар, апчхи: «Бог в помощь!»
гость его кричит, и мощный
мотоцикл перебивает пение
птиц. В четверг над Готтардом
вновь дождь, вещает радио.
По Вюне бутылочная почта
мчит по течению к Рейну:
«К Троице легки на подъем
станут ваши головы!»
обещает нам Хозяин.

ПРЯЖА

Garn

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Того и смотри, из рукава куртки у нее выскочит ствол, и она запрет нас всех в той вон подсобке, – шепчет кассирша зрителю, когда, с брезентовым складным стулом через плечо, женщина требует в кассе пятидесятипроцентную скидку. Затем она останавливается перед самой большой картиной на выставке, раскладывает свой походный стул, садится и вперяет взор в великого француза: дамы обнажены, мужчины в шляпах.

Она развязывает шнурки, сбрасывает туфли, пальцы на ногах скрещены; она вынимает из кармана куртки свой ланч:

Я не люблю есть в одиночестве, однако с некоторых пор не всякое общество мне подходит, мой господин, – отбывает она спешащего к ней зрителя. И вонзает зубы в хлеб.

АВТОСТОП

По поводу этого аккорда, вырвавшегося у него рано утром, если, пардон, я понимаю, о чем он толкует, так вот, в голове у него сразу же само срифмовалось:

«Плывем по свету, пуская ветры», – фраза, которую, ему кажется, он запросто мог прицепить к какой-нибудь морской песенке в глубинах своего детства. Однако буксир пока не найден. Ни на одной волне он так и не подобрал мелодии, задумчиво говорит дальнбойщик. Может, я мог бы ему с этим помочь? Как музыкант?

Люси

Второго сентября это было, вечером, когда мы нашли для себя новые имена, после чего в течении четверти века мы тщательно избегали всяческих уменьшительных, ласковых, нежных и прочих кличек и прозвищ.

Клянусь, никто из нас никогда не простонал: «милый», – даже вдали от дома, где darling или amore сами просятся на язык. Перед лицом наших понемногу взрослевших детей мы никогда не были кисами или займи.

Когда же Люси исполнилось пятьдесят, у нас в саду сломался сук ивы. Мы сделали из него лучину и вошли в дом. – Лишь поздно ночью Люси заговорила о том, что принято называть «знаками». Она недвижно стояла перед зеркалом, в левой руке ночной крем, правая прикрывала пару морщинок на шее. Я ждал ночных новостей, Люси упрячилась.

О, девочка моя, девочка, – прогнусавил я, забывшись, из полутемной гостиной на свет ванной комнаты. Вероятно, я был вдобавок немного пьян, а, возможно, воодушевлен растущим желанием утешить Люси по поводу отметин времени, так сказать, дистанционно. Шкатулка с благовониями угодила мне прямо в лоб.

Подумаешь, преступление, – накинулся я на Люси, в гневе, в испуге, прижимая холодную ножку бокала для шампанского к своему саднящему носу.

Вспыхнул свет. Люси опустилась на паркет прямо к мои ногам и, словно мой пустой кубок был микрофоном, сказала в него: погоди, я с тобой еще разберусь. Полюбовно, малыш.

ТАЙНЫЙ ЛЕКСИКОН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Я бы хотел стать Вашим издателем, заявил одетый во все черное и положил ладонь на колено юной поэтессы. Она ударила его по пальцам кончиками перчаток и согласилась:

Не гони собак!

Постучи по разбитому корыту,
набирай воду, туши мосты!

Последовали литературные чтения в Штатах, «Поэзия кампуса», «Мое зубоврачебное кресло на негреющем радиаторе», «Садок эпигонов». Редактор стенографировал. (Аудитория ликовала, преимущественно с глазу на глаз.) Так рождался совместный труд.

ХАРИБО

По пути к вюртембержцам, перед которыми он собирался выступить, на автобане, – рассказывает один поэт, – его обошли, один за другим, на реактивной скорости два небольших фургона.

Судя по фирменной надписи на борту, оба грузовичка несли по хорошему заряду сладких резиновых мишек каждый: столь целеустремленно, вздыхает мэтр, что нога сама, по некоем размышлении о его собственном фракте, соскочила с педали.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

После чтений в городке Мерлинсбах (земля Пфальц), когда все складные стулья уже снесли обратно в примыкающий к концертному залу чулан, местный мясник, страстный читатель, оставался лежать в забытьи в оконной нише.

Он был напряжен, объяснял он нам после того, как призванный сюда аптекарь привел, наконец, его в чувство, и слишком рано принял успокоительное. На сон перед грядущей бойней.

ШАХТА

Виолетта любила как раз того гнома, что у гроба Белоснежки стоял возле самого изголовья. Гном также любил Виолетту. Тем не менее, историю про Белоснежку он скрывал в течение всей своей жизни, не находя ее достойной повествования. Он не был поэтом.

Когда же поздним утром он возвращался домой с рудника, то, будучи спрошенным Виолеттой, где он так долго пропадал, был вынужден постоянно лгать своей возлюбленной. Этого он не мог ей простить.

РЕКА

Я вроде как утонул, – такой слух прошел по деревне. Вместе с сыном мы отправляемся к речным порогам, чтобы посмотреть, где же это случилось.

В ближайшем загородном ресторанчике мы пьем с ним пиво. Девушка приносит цветы на наш столик, плачет.

А что, мое тело уже опознано? Сын кивает, взволнованно, но без паники, он с самого утра уже выполнил все формальности за меня.

ПАСХА ПО-РИМСКИ

Туалеты в воде по самые уши, вернее, по щиколотки. Вернувшись обратно в зал ожидания, обнаруживаю, что у пунктов назначения над нашими головами с каждой минутой меркнут их нимбы. (Лишь мужчину в резиновых перчатках ничто не в силах сбить с толку.) Остается вопрос: как станет жить тот, кто только что плотью и кровью отдался Ему посреди огромной площади? И Пилат, что и следующим утром за банковской стойкой, не приходя в себя, намыливает свои холеные руки –

ЗВЕЗДНОЕ РАЛЛИ

Мотоциклист ставит тяжелую машину к бордюру и с тростью для слепых продолжает свой путь. Да, так оно бывало и раньше, еле слышно говорит его спутница, когда на высокой скорости мы зажмуривали глаза – в прежние времена. Теперь это пригождается нам в наших кратких поездках.

ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК

В глубине леса прошлым воскресеньем мы набрали на трамплин лесничего.

Гипотетически, экстраординарно хороший лесник – ради борьбы с вредителями и чтобы приветить кукушку – с помощью своей пружинной доски в нужный момент катапультируется прямо в лесные кроны. С вчерашнего дня о нем ни слуху ни духу.

АДВЕНТ

Над Аугсбургом разверзлись небеса. Псалмы выплыли из церкви на улицу, велосипедисты пали без греха –

Отступник-композитор, с немой спутницей по правую руку, вооружился собственной ораторией. И неузнанным покинул город.

ОСЕННЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Киоск оперся спиной на грушевое дерево, «Сеньор Эсперен», осенняя тающая. Осенью плоды рассыпаются по рифленой жестяной крыше, на них роями пикируют осы.

«Господин фон Риббек из Риббека в Хавеланде»...
Время в зените, школа кончилась. Голль надувал для нас презервативы и они плясали в его окошке:
Милая, слушай, возьми себе грушу.

В ХЕЛЬСИНКИ

Он носит костюм в полоску и тщательно подобранную к туфлям красную летнюю шапочку на голове. Он собирает пустые бутылки и за счет этого живет в одном из столичных предместий. Я натыкаюсь на него у витрины мебельного магазина, где он с удовлетворением сравнивает свой гардероб с бело-зеленой маркизой элитного дома.

Когда же мы, рассматривая полароидный снимок, для которого он послужил гротескной моделью, совместными усилиями искали общий язык, он был немного смущен, но по-английски корректен:
I prefer Latin.

БЕЗ ЖЕНЩИН

Вчера прямо посреди улицы была обнаружена пара бесхозных лаковых туфель. Зрелище невыразимой потерянности – не будь эти туфли столь ошеломляюще красными (их игривые носы уставлены в сторону железнодорожной насыпи) среди серости бетонного ограждения. Лишь днями позже узнаем, что самоубийца была босой.

Ист-Энд, 28 ЯНВАРЯ

Хотелось бы и сегодня по
привычке создать большое
стихотворение. Ходил бы
в настроении. Какое-то время.
Но лишь автокакофония
под окнами, соседи перемывают
друг другу кости за перегородкой,
до кучи жуткий разгул
преступности. Однако
мы созданы для любви, пишут
в книгах. Трассы тихо- и
северо-океанских лайнеров, кру-
изы и чартеры в Африку привиты
на торговые пути. Рефрижераторы
даже зимой обносят мороженым
детей. Сквозь пластик пакетов
в руках иммигрантов
просвечивают плоды родины. Соки
текут по щекам, по усам и под мышки,
да не попадают в рот. На экране
президент показывает свой
белый Манхеттен. Юные материки
формируются на горизонте,
комнатные цветы пахнут. Так
держаться! Пар над крышами
и над крышками – пока в три утра
дрозд не разложит нежный
звукоряд на нашем окне:
тогда ко мне в кухню заходит
сам император Китая послушать
своего соловья.

ОКСФОРД-СТРИТ, ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Световые брызги
на миг превратили улицу
в кафедральный собор.

Голубыми бичами
скорые изгоняют
торговцев из храма.

Над отхожими местами
горит: «Идите с миром!».

ПЯТНАДЦАТОЕ ФЕВРАЛЯ

Перчатка тигровой рас-
цветки забыта на снегу.

На мое плечо лег
(одним поворотом позже)

робкий коготок чуть
более теплого света.

ВЕЛАСКЕСУ

Процессия выезжает
на опушку, алые лимузины
с золотыми инфантами.
Егеря втаскивают
загнанного медведя
в пропыленный салон.
Трава зеленеет
по склонам.

ВЫСОКАЯ МОДА

В темноте
стоя у перил,
объемлющую нас
легкость слышим.

Ее платье
из крыл летучей
мыши.

АПРЕЛЬ, АПРЕЛЬ

Сегодня день больших хлопот,
ласточки в приподнятом настроении
летают сквозь стены.

У людей вдруг
заводятся в карманах деньги
для кукушки.

С синицей в руке сосед
стоя во дворе возле дома,
подкидывает ее в небо, как монету.

ГЕРАКЛИТ

Всего на мгновение
показалось, будто листья
вернулись обратно
в пустые кроны.

Но люди, не смущаясь, по
большому идут своим путем. Рано
темнеет, волосы растут. Воды
текут по малому.

ПЕРВОЕ НОЯБРЯ

Это утро кладет
иной свет
на молочные цистерны.

И кто знал, что воробьи
бывают огромны
по отношению к небу.

Но, тихо говорит моя собеседница,
вчера у нас выдался вполне
себе славный денек!

ВТОРОЕ НОЯБРЯ

В три утра опускаются
все шлагбаумы в стране,
на светофорах не гаснет
красный.

Лишь кое-где скорая
помощь на путях ищет
свой путь.

В целом перроны и рельсы,
улицы и фонари вплоть
до серой зари отданы
мертвым.

За мутным стеклом мучимые
бессонницей снимают
шляпы.

ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ

Башни и вышки
тонут в тумане.

Птицы гнездятся в турбо-
винтовых самолетах.

В лицо вратарю
летит перчатка.

СТАРИННЫЙ ТЕКСТ

Мой указательный палец
скользит как ящерица.

В свете настольной лампы
сквозят чешуйки букв.

ПОДГОТОВКА

Смена ворот
для стрельбы
вслепую.

За этой могилой
ухаживают
(но лучше не уходить).

Мы хватаемся
за головы
друг друга:

Фаворский свет. Бог в
помощь. Пороша: кому
не знакомы эти места!

Каждое слово делает
нас легче. Каждая вспышка
укорачивает фитиль.

ЦИРК

Новый год чисто
метет. Цепляемся
за пустое тысяче-
летие,

еще мгновение балансируем
на его краю, комплимент туда,
комплимент сюда, наездники
покрываются потом

и, наконец, въезжают
– как Герман Бургер нас учит –
арена древнее, чем
этот мир.

ЭСПРЕССО

Внезапное желание
стать узором на подушке углового
дивана в этой кофейне.

Крошки моего круассана
осыпаются на подвал газеты.

Я перегибаю
новую историю
мира через колено.

И провозглашаю (раз и
навсегда) мир.

НАТЮРМОРТ

За спиной капитана яхты
сидит смерть в Венеции. Вилкой
расковыривает в тарелке море-
продукты.

Расположен к нам
народ в заведении. И
трефовый лист клевера
местной мафии.

На стойку козырями легли
червовые пальцы
босса.

СОХО

Пожилые боксеры проходят своим кварталом со сломанными носами, с прооперированными опухолями, хлопая по плечу то одного, то другого встречного. И у клерков расположенных поблизости банков резкий ветер подле паба выдергивает белые сорочки из свежесглаженных брюк. Как салфетки.

ИЗ УРОКОВ ЖИЗНИ

1

Повсюду лисы лежат в окружении хуторов. Нам лучше бы сторониться покусанных фермеров. Егеря потянулись в город сменить охотничьи угодья.

2

Уроки жизни начинаются в три утра. К семи остается вызубрить лишь пустяки.

3

Тот, кто еще не обрел своей бессонницы, сам виноват. На рассвете я обычно зажмуриваю глаза. Ради ночной слепоты перед началом занятий.

4

Истина распространяется с помощью простых предписаний: таблетки медленно одна за другой тают во рту. Пока не придет облегчение.

5

Лучше всем вместе тонуть на одном корабле.

6

Надеющиеся и бременеющие исполнены веры в свою правоту.

7

На отборном мусоре произрастают счастливые поселки: из того, чем был Я, возродится ОНО.

8

Во имя энергосбережения предлагается перейти к семейству сливовых взамен грушевидных. Новая, с иголки, природно-хозяйственная программа.

9

Из крольчатников к окраинной детворе взывает охотничий рог: заячья смерть, заячья смерть!

10

Нужно родиться старым, чтобы суметь преждевременно умереть, писал мне мой брат.

11

Изгой прижимается лицом к своему отражению в зеркале. И чувствует, что больше не одинок.

12

Под кожей бегут улицы мурашек.

13

Само собой, каждый мечтает о великом творении. И о хорошем отдыхе в день седьмой.

14

Искусство – золотой сон, ремесло – золотое дно.
Почтовые отделения изобилуют памятными марками на этот счет.

15

На тротуаре, глядя на «зебру»: гнать, держать, бежать. Но лучше слышать, видеть, дышать.

16

С кем не бывает, роняет на ходу побежденный, победитель же хлюпает окровавленным носом.

17

Чувство сопричастности в местах общественного пользования опочило в бозе. Неплохо было бы его когда-нибудь опять разбудить.

18

Поиски смысла похожи на извлечение квадратной родинки за скобки круглой обнаженной задницы.

19

Каждое утро наша любовь к животным преодолевает босиком дужайку для выгула собак.

20

Счастливый случай предпочитать крайнему. Всегда.

21

Виновные готовы покаяться, но некому принимать их исповеди. Вот они и бредут себе дальше как есть, отягощенные злом.

22

Черствость и негибкость как проблема коленных чашечек души.

23

В укромном уголке кофейни двое пожилых людей через стол сервируют друг другу вселенную, улыбаясь.

24

Культурные исследования на банальной почве повсеместно под парами. На рельсах и буферах лежит иней.

25

Наблюдение за думающим мозгом, словно фотография внутренностей плавящегося солнца. С той разницей, что отпечатки отнюдь не утрачивают памяти.

26

Если ты из засады не убиваешь с первого выстрела, валяться тебе разоблаченным у друга в ногах.

27

И вновь слышен шепоток железа, ударяющегося о железо. Следующей ночью я хотел бы углубить эту шахту. Прямоком в теплое сердце земли.

28

В каретной мастерской снег свисает с крыши, подкову ожидает наковальня.

29

Даже пережитое непременно хочет быть прежде описанным.

30

Где-то за горизонтом в воздухе ангелы откладывают яйца.

ПАССАЖИР

1

Промельк за стеклом. В купе входит юная женщина. Она благоухает, словно леденец. У парня рядом с ней открывается и больше не закрывается рот. Он нервно сглатывает. Впрочем, вскоре после Имста он перестает сдерживаться и начинает незаметно облизываться на ее обнаженные загорелые плечи.

2

Пара садится в Зингене. Ищут два места рядом. Помогают снять друг другу куртки, разговаривают вполголоса. Кажется, что от них исходит сияние. – Невольно хочется вот так же достойно и бережно вместе пройти по жизни. Они сидят лицами против движения.

3

Любовь сильнее смерти. Таковую надпись я прочитываю на бегущих воротах. За ними, в подтверждение этой бодрой мысли, тихое кладбище. Сосед напротив смотрит туда же, он уселся на ящик с песком, предназначенным для лейпцигских зим.

4

На отрезке между двумя сумрачными участками леса себя обнаруживает охотник. Я чувствую, как его аромат после бритья доходит до моего купе: ловчий

присягает на кельнской воде против заговора клещей. Его загонщики помазаны елеем дома «4711».

5

Поэт К. рассказывает про свою кошку, страдающую болезнью сердца. По ночам он не смыкает глаз и более чем на час не может отлучиться из дома. Но самое страшное, добавляет он, это расходы на медицинскую аппаратуру. Я оплачиваю за него его такси.

6

Курс на Констанц. Статуя роскошной великанши приютила на груди полностью оснащенную бригаантину. Канаты, якорная лебедка. Парус, гирокомпас, штурвал. Но нет никого, кто взял бы ее на бордаж. Кто вышел бы с ней в море.

7

Клекот в каждом слогe. Юноша говорит так, как если бы он читал рэп. Колеса четко ударяют по рельсам. Высокие трубы на горизонте. У его подруги прямо из шеи вместо головы растет микрофон.

8

Проехали Веймар. Низкое небо тащит над пажитями мехи с водой. Между ними – фальшивой монетой – полная луна. Персонажи баллад выстроились на насыпи.

9

Странствующий величественно обходит вагон за вагоном. Зеленый галстук под горлом. Своими лукавыми глазками он прямо-таки впивается в глаза попутчиков. – Несчастный больной, объясняет ребенку мать. А бы охотно отправился за ним следом.

10

Русалка выходит из поезда, встряхивает мокрыми волосами. Плавник закинут за спину, и вот она скользит за окном в направлении города. Перроны и вокзал уже под водой.

11

На одной щеке Адам, на второй щеке Бог-отец. Горящая искра проскочила над ущельем, объясняет татуированный. Теперь он выглядит словно сам Микеланджело.

12

Кондуктор усердно отщелкивает билеты левой рукой. А я, наконец, хочу увидеть оленя, что выходит на просеку попасться. Вместо этого в наступающих сумерках повсюду одни лишь суматошные команды на футбольных полях.

13

Девушка долго прощается со своим другом. Одна садится в поезд. На мгновение ее лицо состоит из одних глаз.

14

Дама расхваливает на все лады искусственные герани. Сегодня их уже не отличишь от настоящих, так они выглядят. – Но что при этом действительно важно, прибавляет она, так это зимой не забывать цветы перед открытыми окнами.

15

Мужчина с черными волосами передо мной напевает восточную песню, тихо. В окне поезда по-за Устером распростерлась пустыня. Дюны странствуют. Караваны вернулись домой.

ВЗДОХ, ВОЗДУХ, ВЕТЕР
(Музейная считалка)

*«Наши предки были охотниками.
От них мы унаследовали кровь
ловчих».*

1

Первая убитая в Ааргау серна –
завезена в июне 1959 в район Козьей горы,
подстрелена по ошибке в ноябре 1959;
ее стеклянные глаза изумленно
тарашатся на цокольный этаж.

2

Предположительно в 1968 Гюнтер Айх
(одним из вторников) читает в зале музея
стихотворения, а также фрагменты
будущих «Кротов».

3

При пожаре нас просят
следовать инструкциям:
предупреждать пожарных;
спасать посетителей;
закрывать двери
(среды и пятницы осложнены постоянным
наплывом антропософов);
бороться с огнем;
корректно именовать животных...

4

Надувает щеки белка-
летяга. Отбойный молоток
тотчас подкалывает ее.

5

На верхнем ярусе первым в пыль
распадается оазис безопасности,
искусственные травы вянут.

6

Меж оленьих голов скачет
неудержимо секундная стрелка.
И могучие звери гордо
выступают из стен.

7

Во рту чепрачного тапира
топорщится язык.

8

Уровень формальдегида снижается.

9

Под шумок распались
большие витрины,
из ящиков слышны
стоны ящериц.

10

Сквозняк
гуляет по коридорам да
ветры, пушенные
кабанами.
Вздох.
Воздух.
Ветер!

11

Камфарные шарики из вольера с птицами
выкатываются по направлению к вокзалу.

12

Бородач,
секретарь,
цапля, журавль
поднимают голову.

13

Остерегайся
красноспинного
сорокопута!

14

Охотник-рenegат берет
обратно сделанный выстрел.
Серна знай себе пасется
в закатных лучах.

15

Кукушкины слезы возвещают,
что лету немного осталось.

16

Антропософы разводят
бирюзовую акварель. Притушить
пылающий горизонт.

17

Трехпалый ленивец разведывает
самый быстрый маршрут
до Южной Америки.

18

Сумчатые.
Складчатые.
Створчатые.

19

Встаньте-ка
на колени перед хохлатым
капуцином!

20

С золотом страусиных яиц
тигр тщательно сочетает
свой вылинявший мех.
Чуть позже он покажет

любопытствующим
свои зубы.

21

Пила.
Корнерот.
Сосальщик.

22

Слон тащит
куда-то груды костей далеких
предков. А где-то на верхних ребрах
дрожат хвосты ласточек.

23

Ковровая дорожка трепешет.

24

Прямой походкой
горилла под руку с орангутангом
сходят по лестнице. Наконец-то
Гюнтер Айх произносит заключительные
строки последнего стихотворения:

*«...Мир не прекращает
быть, это надо усвоить».*

МАСТЕРСКАЯ

Полуночник работает родо-
вспомогателем нового дня.

Лишь изредка он падает
между грудей роженицы

и клюет носом. Серый снег
выдавливает слуховое окно.

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Kurze Durchsage

В ПОЛЕТЕ

Гребя одними руками,
ночь напролет летим
сквозь окрестности.
Обсерватории
сияют.

В обнаруженном недавно
захоронении
неандертальского периода
ребенок покоился на лебедином
крыле. Полет продолжает
нас.

ПИСЬМО

Если бы бытие умело само
сложить фразу, что
осталось бы нам
рассказать? А то,
что предстоит прожить,
оказалось бы прожитым.

ПАВОДОК

Под утро у статуи «патрона
мостов» над рекой начисто
отсутствует срам. Под-
мочен, но непорочен.
Его колени
дрожат.

ПОБОЧНАЯ ЛИНИЯ

Змеи обвили
тeлaми кaмeнь: *РАХ*
нaписaно скoльзкими
рунaми нa крaю сaдa, бyквы
блещут. Рeдкo кoгдa
вeритeльнe грaмoты
стoль нaглядны. Приди,
слижи этy сoль
с мoей рyки!

КИРХБЕРГ

Одна корова
кладет голову
другой на живот.
Колокольчики оживают.

Под взмахами метлы
хозяйки взмывают
певчие птицы.

ЗА ГОРОД

Крайние дома
атакуют пустое небо.
Из каминных труб идет дым.
Слышно звяканье якорных цепей.

Одни лишь водостоки
сулят нам кратковременную
зацепку за город.

МАРЦИПАН

Святая Вальбурга источает масло в период времени с октября по февраль. Ее останки сложены в известняковый короб под своды часовни, алюминиевая воронка уловляет священный пот. Он не продается, монашенки разливают его в качестве лечебного средства. Когда их об этом попросят.

Поэтому я с большей охотой озаботился сладким языком святого Непомука, хранителя тайны исповеди и защитника от злых оговоров: молчи, оплачено! И тьфу-тьфу здоров.

ПО ТУ СТОРОНУ ЭДЕМА

Как только Адам узнал, что он наг, и в связи с этим ужасным открытием рассудил, что нынче и при-сно пора добывать свой хлеб в поте лица своего, то, прежде чем натянуть штаны, он стукнул себя обоими кулаками по лбу. Там он зафиксировал сверхъестественный рост своих волос, еще больнее напомнивший ему об изгнании из оранжереи.

Адам задержал дыхание и десятью пальцами про-делал борозды в своих волосах. Так появилась первая человеческая прическа. И Ева нашла его симпатичным.

«Приди!» – сказала она. – И, синхронно утешив друг друга по поводу непредвиденных обстоя-тельств, они разошлись по рабочим местам. Адам возделывал каменистую пашню. Ева в муках рожала Каина.

СЕВЕРНЫЙ ВОКЗАЛ

Путевой рабочий в синем комбинезоне
составляет из прибывающих поездов
свою композицию.

Над клавишами шпал
тает его печальная песня.

Посредством рации он держит связь
со своей галактикой: Расцепить! –
повелевает она. Он исполняет.

ВЕЧЕР В АТЛАНТИДЕ

Волнующаяся нимфа
распростерта над клавишами. Белой
пенной блестит над Атлантикой
декольте бардамы.
Портик и балюстрада
качаются.

Что ж, некогда монах-живописец
не на шутку потешил
здесь свою кисть – восторг
дамы за барной стойкой. Мы
молча разделяем с ними
их падение.

ФАРФОРОВЫЙ ЗАМОК

Так бывает,
когда белоснежные замки
плывут по твоей перчатке.

В пресветлых головах
швартуется рыцарство,
салютуя с башен.

Зеленый ветер трепещет
на балконе, лапчатка ползет.
Наполнен ли сосуд снегом?

Под шагами прохожих
звонит фарфор моей сестры,
помогая нам думать.

То, что упало в ладонь,
считаем решенным.
Жажда, похоже, утолена.

Глазурью вверх,
ведет обожженный осколок
свою хрупкую песню.

Илзе Вебер (1908–84)

ПАРКОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Хозяйка Ангулема,
королева Наваррская, пятисот с лишним лет,
подставляет свои плечи закату.

На поверхность пруда
отселяются чайки
от сизарей-плебеев.

Как и прежде,
матери не пускают своих детей
ходить по водам.

ЖИТЬ В МИРЕ

В предутреннем сне
под ноги мне
летит чья-то мокрая
перчатка.

Схвачу ее и
скорее на батарею –
сушиться.

ГЕОГРАФИЯ
(Двенадцать хайку)

БЛИЗ ВЕРОНЫ

Сельской дорогой
парочка навстречу мне.
Пьеро хромает.

ПОД БОЛОНЬЕЙ

Охота встала
в поле. Ожидание
милости зверя.

НОЧЬ В РАВЕННЕ

На небесном дне
повсюду мозаика,
в ней твое лицо.

СТОЯНКА В РИМИНИ

В купе всплывает
куст лаванды. Наш салют
фиговым листком.

ДУБЛИНСКИЙ РЕЙС

Чаще спрашивай
дорогу. Отвечая,
мы хорошеем.

ОКРАИНА ТИЛЬЗИТА

Кладбище пахнет
сыром. Должно быть, кто-то
что-то напутал.

ОКЛАХОМА

Из серой туши
послеобеденной мглы
твой тон: Afternoon.

ХАММЕРФЕСТ

В плоской стране
темя странника всегда
чувет, где север.

ТИБЕТ

Сплю у подножья
высоких гор, кусая
камень подушки.

ВЕРБЛЮЖЬЕЙ ТРОПОЙ

Этот медленный
подъем на собственные
ноги день за днем.

ВЫСОКИЙ АТЛАНТ

Вославим легкость
руки, с которой мир сел
птицей на плечо.

РОСКОШНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Земля скатертью,
дорога пухом: слова
не переставлять!

ШРИФТ ДЛЯ СЛЕПЫХ

Кончики пальцев скользят:
за бугорком бугорок
неведомых очертаний.
«Книги, невинный порок», –
на мягком лице читаю.

МОЛОКО НА ГУБАХ

Солью пронизан воздух,
море проникло в комнату,
снежная круговерть стихает.

И впредь все будет возможно,
пока светает. Подкожно
второе дыхание.

СТЕРНЯ ПАМЯТИ

Монтекассино, – я
слышу реплику за спиной,
красивая местность, там
мы, помнится, косили
друг друга, аккуратно
такими же косами. Я
был последним.

МАТЬ-ПРИРОДА

Случались дни,
когда мы носили брюки
задом-наперед. Обманывали
молнию, что, как мы знали, бьет
недостойных мальчиков точь-
в-точь в застегнутое на zipper
мужское достоинство: волею
матери-природы.

ЛОВЧИЙ

Сделать стойку на слово,
почуять след фразы,
желающей быть
сказанной.

Вид охоты,
своего рода тоска.
Может сразу и
не отпустить.

«ГОВАРДС-ЭНД»

В новых кинолентах
звезды нашей юности все чаще
готовятся к смерти. Глядишь, скоро и на
нас снизойдет благодать. В виде
бонусов за просмотр.

САМОСТРЕЛ

Берущему
в руку нож
тогчас отказывают
в слове.
Губы.

АНГЕЛЬСКАЯ НАСТОЙЧИВОСТЬ

Очевидно, художник толковал мотивы фресок
в несколько ином ключе, отличном
от нашего:

его Ангел-хранитель швыряет
закутанное в пеленки дитя человеческое
обратно в небо – не дай
Бог, его ножонки вдруг
коснутся земли...

МЛЕЧНАЯ ДОРОГА

Известие о прямо-
хождении
не скоро обойдет
Вселенную.
Ты кладешь поб
на подушку,
дочь гасит
свет на кухне.

ВЕЧЕР. ОЗЕРО

Удильщик

по колено в прибрежных водах.

Ни пуха, ни плавника.

Над озерной гладью плывут
издалека пузыри пьяных криков:

Эй, Святой Петр! – Рыбак

насаживает нового червячка.

ОТБЛЕСК

Черный осадок как состояние духа,
записал я на рассвете.

Утреннее солнце прощупывает строй
лесистых холмов под еловыми камзолами.

Начинается день, и я выжимаю
стойку на руках у дверей твоей комнаты.

ПЛОТСКИЕ РАДОСТИ

Вдоль гаревой дорожки расположено кладбище. Будучи легкоатлетами, мы проводим немало свободного времени в таком соседстве.

Да, они сделали это, говорит нам тренер, бросая взгляд на могилы; мы торчим себе на грудах песка, отчаявшиеся неловкие прыгуны и бегуны-неудачники.

Мы лишь странники здесь, друзья мои, добавляет наставник с внушающей опасения теплотой; насвистывает сквозь зубы.

Ах ты задница, думаем мы, сжимая обеими руками свои икроножные мышцы, и шумно радуемся их мускулистой плоти.

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

Трансальпийский Евро-Сити отходит с первого пути!

Хотя на первом пути никакого поезда нет, служащий настойчиво повторяет свое сообщение. Железная воля слышна в его голосе, так что все ожидающие, с тяжелыми чемоданами, делают шаг с перрона на пустой путь, чтобы быть раздавленными прибывающим локомотивом.

ЗАЛОГ

В течение прошлой ночи я написал стихотворение, чьи блистательные словесные формы содержали пару сладких изгибов. В духе ранних скульптур Альберто Джакометти или последних работ моего друга Эрнста Х.

Стих можно было читать и гладить одновременно. Впрочем, текст был полностью утрачен мною при пробуждении.

КОНВЕРСИЯ

Да отнесут ангелы в рай ее душу, – велел напечатать Д. в газетном объявлении о кончине своей супруги. Мы были знакомы с ним шапочно.

После ее смерти он на целый месяц окаменел в нестигаемой печали, почти не показываясь из-за погрузочной ramпы летного ангара. При встрече не дотрагивался до шляпы.

Вчера я видел его стоящим на солнцепеке. Как прежде, задумчивого, но с абсолютно новой сентенцией на широкой груди: «Летайте самолетами Аэрофлота. Так надежнее».

С НОГИ НА НОГУ

Я наконец-то спорол заплатку с твоим номером, L400, с зеленых носков, унаследованных мной от тебя, о брат мой, – чтобы забыть навсегда о казенной стирке и о твоём преждевременном уходе. Однако под меткой для прачечной обнаружилась вовсе не чистая шерсть, ради которой я и взял твои носки, а вывязанные светло-голубым для наглядности фамилия-имя, подобные тому, что матушка вышивала вручную по кромкам нашего с тобой белья. Перед поездкой, перед тем, как ты лег в больницу...

Конрад Неизвестный – я прочел.

Кем был тот человек, в чьих носках ты застрял на долгие годы? В чьих носках и я сам время от времени шел по жизни? Кто ты? И кого же вы нынче бросаете в этих ваших зеленых носках – кого?

ОТЗЫВ

Да, это так, я больше не желал встречаться с тобой. Но теперь, когда тебя больше нет, когда ты, скажем так, ушел навсегда, я вижу, как светится лицо твое за броней стекла. – Банк, во имя которого ты жил, корректно простился с тобой. Так же, как товарищи по службе, друзья по ферейну, рыцари «Ротари». Они бестрепетно приняли ход тех вещей, что касались тебя, вели себя достойно и сдержанно, в подходящий момент не сводили с наследника своих неподкупных глаз, глядя не в оба, но третьим оком, в котором ты видел себя отмытым, отсеянным, отраженным сквозь годы. Не птица и не пилот, ты все-таки летел вверх, корпоративный термальный ветер полнил нагретым воздухом твои брючины, доставая до сердца. Эконом-, бизнес-, экстра-класс. Связки документов под твоей твердой рукой, откуда впоследствии и пришла боль, неотзывчивая, «джеты» несли тебя. – Наверняка ты видел все по-другому, я знаю. Ну, как тебе видится это теперь? Откуда та вода, что до последнего увлажняла уголки твоих век, если ветер? Нет, не одного лишь тепла не хватало твоим глазам первопроходца. Два озера, исполненных страха, жаждали берега. Компас дрожал в твоей руке, мы нехотя следовали за тобой сквозь лес. Ты чуял спиной пустоту и вглядывался вперед. Что видишь ты теперь? Скажи!

ГРОМКое ДЫХАНИЕ

Бертран! Сделай для нас огонь на руках, чтобы они светились! По невнимательности он уже потерял один палец, мизинец. С той поры он отдавал эту «аварию», как он называл свою руку, на съедение огню с еще большей охотой. Он выливал керосин на кожу, потом поджигал его своей зажигалкой. Мы жутко пугались и хохотали, он хохотал с нами вместе и сразу же засовывал горящие руки в карманы штанов, чтобы пламя погасло.

Еще разок, еще разик! – просили мы. Все было почти как в цирке, правда, единственными зрителями были мой двоюродный брат и я. Бертран, в ожидании дальнейших перемещений, ставил свой номер исключительно для нас двоих. Он носил свадебный костюм своего отца, подобранный на току, когда ночью он ломанулся домой из закрытой палаты в одной пижаме.

Теперь мне пора дальше, говорил он, ставя бутылку с керосином назад на верстак. На железной виселице был вздернут дамский велосипед, у которого Бертранов отец собирался по-соседски исправить восьмерки. Сам он лежал на кушетке в комнате за мастерской и громко дышал.

...ДЛЯ С.

С пяти часов
льет дождь.
Горизонт ничем
не проявляет
себя.
Вообще-то
любовное стихотворение
не привязано к погоде,
дорогая.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Корова ночи слизала нас языком с брэнной земли.
Мы плыли в ней вместе с детишками. Пассажиры
встречных самолетов здоровались с нами, а тол-
стые говяжьи стенки хранили тепло.

Но стоило вернуться с небес на землю сада, как на
углу возле дома уже стоял гном и окаменелыми гла-
зами рассматривал приближавшийся день.

НАДЕЖДЫ МАЛО

После обеда в
ресторане не встретишь таких,
кого можно бы счесть
виновными.

Так невинно
оттопырены мизинцы
рук с десертными
ложечками.

СЧАСТЬЕ

Такая доверчивость вчера,
пока небо было безоблачным.
И дома
балансируют
на ладони.

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Порой я выхожу из дому во время дождя и так стою перед дверью. Сырость проникает мне под кожу, обволакивает кости, просачивается в кровь. К вечеру она уже вытекает из поношенных тапочек, красно-розова. А в полночь дождевая вода уже плещет по утлой сети моих вен. Рекомендуется для очищения на случай черных дней. Дней с пробоиной в борту.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

1

На вечер обещан дождь.
За моим окном
младший сын плотника прилаживает
седло для стропила.
От встал на продольную слегу
и смотрит в дол.
Его отец разложил на диване
прозрачную ночнушку
для юной невестки.
Хотел бы я быть рядом,
когда ее надевают, говорит
он, втягивая никотин в легкие.
Три пальца до сего дня успел принести
он в жертву поющей пиле,
один на левой руке, два на правой.
Шесть его внуков играют в саду
с выводком черных котят:
тормозные следы на проезжей части,
однако цвета школьных ранцев
с каждым годом все радостнее.
Гнать, держать, бежать,
лучше слышать и видеть –
хором поется на светофоре.
Мать стоит среди розовых клумб,
упарилась.
Всегда готов!
Водитель мусоровоза снимает
скаутскую шляпу,
сплюнвит указательный палец, пробуя воздух:

сегодня точно ливанет до вечерней программы.
Прочие запросы удовлетворены
«Товарами почтой» из городка Б.

2

На станции ж/д
накануне двое
подростков взяли Марсель
в один конец.
Кассир каллиграфически выписал
им билеты.
Солнце било
в окошечки касс.
Шесть патронов заряжай,
готовься,
пли!
«Бегущий кабан» брал
с места в карьер.
Склоняясь с флагштока, нас
приветствовала отчизна.
Как обычно, фён,
раз уж окна поблизости.
Стрелки пожимали
абсолютно бесстрашно руку
папаше плотника.
Один из внуков
заткнул себе пальцами оба уха.
Я ощущаю раны в низу живота,
в опьянении призналась дама.

3

В конце концов редактор *Дольнего ветра*
уложен на поребрик, сбитый

машиной, фишай моргает на солнце.
Лицо накрыто собственным газетным листом
и понемногу краснеет.
С террасы учреждения
в северной части деревни
транслируется сицилийский юмор.
Нон каписко, амико, не
въехал – выстрел в ответ.
Есть гренландские шутки,
но кого-то точно нет дома.
Все мои друзья зависли в эфире,
хихикает радист,
адресуясь к землемерам
с их марсианской треногой.
Вот уже несколько дней
они прочесывают деревню,
и председатель местной общины
пустился в плавание по воле судеб.
Тяжелое бремя должности он,
что ни вечер, влачит по площади,
приветствуя, не взирая на ношу,
пионерским приветом
своих ассенизаторов и фуражиров
свежерасквартированной пехотной роты.
Гимнастика для матери и ребенка
в виде исключения на свежем воздухе.

4

На экране «У льва»
герой, получив депеши, скачет
обратно в средневековье.
Его донесение
перекрывает спор дальнобойщиков.
Председатель отдается передаче,

как последнему киносеансу.
На входе хозяин подкармливает
свой банкомат,
пока парнишка снаружи
считает колеса грузовика,
а плотник на своем столе
выживает из ушей внука его же пальцы.
Он приступает к ожидаемой взбучке:
у нас на селе всяк
сверчок знает свою колокольню!
Она, в свою очередь, отражена
фасадом нового здания управы.
Внимание ее ангелов периода зрелого барокко
приковано к кадровому отделу, третий этаж,
чей шеф перед очередным увольнением
крестится трижды.
Утром и вечером
стажер разруливает
движение перед часами пик:
«Только бы не сглазить!»
гласит девиз.
На обратном пути он,
соответственно, одинок.

5

Меньше половых связей
за истекшие дни,
видимость чересчур хороша,
не подходящий ветер.
Дама засовывает посылку из городка Б.
под кровать, пока не разразилась гроза.
В дольнем небе пара моделистов-конструкторов
сошлась в схватке:
атаки в створе с солнцем,

любовно выписанные дубовые листья и Юнион Джек
на лакированном баобабе,
звуки строевой музыки в транзисторе наземной команды.
Однако с места на место через мягкое место переносится
то, что поутру бледно-синий спрей
оставил на кассе местного полустанка:

ТОСКА

Зараза, говорит начальник дистанции.
Учитель просит произнести фразу полностью.
Лучше синица в руках,
чем журавль в небе,
но этому их не учат,
думает примчавшийся москательщик.
Этот нежно-голубой
не числится в их ассортименте.
И некому спросить юбиляра
при золотых наручных часах,
сколько времени.

6

Рассыпчатые полосы конденсата
тянутся по всему небу.
Ветер кружит опавшие листья
вдоль улиц.
Дама, тяжело нагружена, покидает кооператив.
Белый «пontiак» уже нарезает
круги по деревне.
Нацелен на толпу-восемнадцать-ноль-ноль,
низкий профиль,
галогенки наперевес.
Воздух дрожит от выведенных
через откинутую крышу басов.
Из вентилятора столярки
плывет пыль.

В соседней деревне, слышал кто-то,
улицы-то
поплыли.
Обоих подростков сцапали под Лионом,
дело в шляпе.
Дальнобойщики оставляют поселок.

ИДИОМАТИКА ДЕТСТВА

Ребенком я
познал, что такое
страх, играя
с огнем,
и после дневных
новостей аппетит
во время еды не возвращался.

Я научился
подходить с меркой и ставить
лыко в строку, восхищаясь теми,
кто не стремился
выдумать порох.

Несмотря на палки в колесах,
освоил я
велосипед.

ЛИКВИДАЦИЯ

Все еще
развешаны на балконе
валенки и ушанки ушедших зим,
пожелтевшее платье моих метафор.

Что ж, убираться пора нам,
пока снег не пожалует в гости,
пока не рассует по карманам
холода горсти.

ПОРТОВЫЙ ГОРОД

На берегу,
прошит сверкающими булавками,
спит город.

Под каждой лампой
ты мысленно видишь
спящего,
считаешь отраженные фонари,
озерная дрема
полощет зелень волос
у подножья огненного лотоса.

Но когда утром
все фонари потушены,
наверху в скалах
ты видишь каменоломню.

Море в свинце
и в бороде водорослей.

САБОТАЖ

С календарей
облетает время.
Черные дни,
реже – красные.

Типографии
работают против нас.

МЕТАМОРФОЗА

С тех пор, как мы
потеряли корни, у нас,
похоже, режутся
крылья, а также
зуб яичный, которым
расклеываем то,
что снесли.

ОЧЕРНЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ

День стихал.
Медленно прибывал вечер,
темный лес, луга, худосочное жито, деревня.
Стриженные овцы возле церкви
казались сдутыми, розовые свиньи в грязи.
Столб дыма над силосной башней наводил
на мысль об Авеле.
Пастор вышел из дома.
Он наверняка давно мертв,
быть настолько славными живым не дано.
Пожал руку.
Теперь, пожалуй, его захотят убить снова.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ АФРИКИ

Дорога рассыпается за мной.
Я снова кутаюсь в старую тряпку небес,
язык тяжелеет,
зеницу ока,
все еще полную света, я прячу
к ракушкам в шкаф.

Кости брошены в дворе,
где мы играли в тени
на дорогой отрез.

ОСЕНЬ

Снова все видно
насквозь:
остов, скрещение мачт.

Суда входят в гавань.
Чей-то голос находит меня.

Маяк
вырисовывается
издалека.

АРТЕФАКТ

Вот камень, возьми.
Вот глаз, возьми.

Внутри камня
склеп, выруби.

В тот склеп
глаз, клади.

В сосредоточенной слепоте
видишь, как он прекрасен:

в этом склепе твой глаз,
врубленный в камень.

ПОСЛЕДНИЕ РЕШЕНИЯ

1

Адресованный
ласточкам приказ:
летать еще выше.

Детям –
сидеть дома.

Градины как-нибудь
мы разделим
между собой.

2

Облака
словно континенты.
Словно континенты
облака,
главное –
не забыть
дождевики.

Зорке Цикламини

В серии ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА Русский Гулливер планирует выпустить книги Артура Алликсаара, Аны Бландианы, Улдиса Берзиньша, Иоганнеса Бобровского, Витаутаса Пятраса Бложе, Роберта Вальзера, Ивана Голяя, Эриха Фрида, Чеслава Милоша, Войцеха Пестки, Йозефа Петерки, Пауля Целана, Хайнца Чеховского

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com